

Этот шашлык был из свиного брюшка — жирный, нежный, в меру солёный и невероятно вкусный.

Цюаньцзы не стал уплетать мясо жадно, а смаковал каждый кусочек медленно, так что к концу у него заблестели губы.

Вскоре всё мясо с одной решётки было готово и разложено по тарелкам. Чжуан Ян выложил свежую порцию, получая от процесса явное удовольствие. Чжуан Ян непрерывно жарил, Цюаньцзы помогал нанизывать — они работали в полной слаженности.

За одно утро они добыли кабана, двух зайцев, лысуху и крохалея — улов можно было считать богатым.

Когда большая тарелка жареной свинины и горшок с костным бульоном были поставлены на место, шестеро мужчин уселись за импровизированный пир.

— С соусом будет куда вкуснее, я принёс три разных, — сказал Юань Аньши, выставляя на низкий столик три чашечки с соусами.

Семья Юань была бедной, обычная их еда — грубое просо да овощная похлёбка, приправленные бобовой пастой. Сегодня же домашние соусы наконец-то сочетались со свининой, что было честью, которую нельзя было упустить.

— М-м, ничего, — пробормотал Лао У, наколот кусок мяса палочками, макнул в соус и отправил в рот. Старина Дуань же вообще не заморачивался с соусами, просто заглатывая большие куски.

Чжуан Бин, обмакнув кусок свинины в перечный соус, невозмутимо съел его, тщательно и неторопливо пережёвывая.

Чжуан Ян разлил бульон по пиалам, а Цюаньцзы разнёс их каждому.

— Давайте, Эр Лан, А Хун, хватит хлопотать, присоединяйтесь, — гостеприимно позвал Старина Дуань, не забывая перевернуть мясо на своём вертеле.

— Я прихватил кувшин вина, чуть не забыл, он ещё в повозке, — сказал Чжуан Бин, уже поднеся пиалу к губам.

— Не вставай, Да Лан, я принесу. Есть мясо большими кусками, пить вино большими глотками — вот это жизнь! — воскликнул Лао У.

Вино вскоре принесли, и каждому налили по чаше. Цюаньцзы пил впервые, он поднёс чашу к носу и осторожно понюхал.

Чжуан Ян, держа чашу двумя руками, откинул голову и сделал медленный глоток. Цюаньцзы, сидевший рядом, попытался повторить — но выпил залпом.

— Кх-кх! — закашлялся он.

Старина Дуань рассмеялся:

— Малыш, в первый раз нельзя пить так лихо.

Лао У, осушив две чаши, обнял пустой глиняный кувшин и принялся выделывать в центре

круга неуклюжий деревенский танец. Высокий и неповоротливый, он двигался неловко, но отдавался процессу всей душой.

Под стук бамбуковых палочек по глиняному кувшину Лао У затянул весёлую песенку, остальные подхватили. Цюаньцзы слов не знал, поэтому просто хлопал в ладоши в такт.

Перед возвращением охотники поделили оставшееся мясо. Старина Дуань отрубил для Цюаньцзы большой кусок с костью — в награду.

Цюаньцзы не решался принять, взглянул на Чжуан Яна. Тот кивнул. Тогда мальчик взял подарок и завернул мясо в лист банана.

Стояла жара, задерживаться на открытом воздухе было нельзя — мясо могло протухнуть. Поделив добычу, компания покинула гору Сигу, обменявшись шутками и прощаниями, и разошлась по домам.

На прощание Старина Дуань потрепал Цюаньцзы по голове:

— Парень, если окажешься в деревне Лай, разыщи меня. Научу воинским искусствам.

— Хорошо, — энергично кивнул Цюаньцзы.

Старина Дуань был подпоясан мечом хуаньшоу, за спиной у него висел огромный лук, а под ним — высокий конь. Он взмахнул рукой, ударил коня плетью и умчался прочь. Одежда на нём была бедной, но вид — величественный.

На обратном пути слегка подвыпивший Чжуан Ян прислонился к борту повозки и задремал.

Цюаньцзы сидел в повозке прямо, время от времени поглядывая на спящее лицо Чжуан Яна. Тот спал безмятежно, и будить его не хотелось.

Во сне Чжуан Ян вновь увидел того кабана, мчащегося на него. Когда до него оставалось всего несколько шагов, Цюаньцзы внезапно выскочил из чащи и встал у него на пути. В мгновение ока мальчик натянул лук, стрела просвистела в воздухе, и кабан с рёвом рухнул наземь. Цюаньцзы обернулся, чтобы взглянуть на Чжуан Яна, но в солнечных бликах разглядеть его лицо было невозможно; лишь смутно почудилось, что силуэт его высок и будто бы принадлежит уже взрослому мужчине.

Стояла жара, и матушка Лю, чтобы мясо, принесённое Цюаньцзы, не испортилось, засолила его, а кости сварила с грибами на бульон — ни крошки впустую.

Когда суп был готов, она налила пиалу и подала Цюаньцзы.

— Мама, я на горе Сигу уже много ел, ты сама попей.

Наблюдая, как мать с наслаждением пригубляет ароматный бульон, Цюаньцзы принялся рассказывать ей про жареную свинину: какую часть брали, как резали, как жарили и какие соусы готовили.

— Мама, когда у нас будут деньги, мы тоже будем жарить свинину.

— Хорошо, хорошо. Вырастешь, выбьешься в люди — и я заживу припеваючи, — смеясь, ответила матушка Лю. Таким сыном, как Цюаньцзы, она была вполне довольна. В юности она много мечтала о богатстве, ведь когда-то матушка Лю была красивейшей девушкой во всей

Волости Фэн. Время шло, девичьи грёмы поблёкли, но в сердце её всё ещё теплились надежда и вера.

Спустя два дня, едва занялась заря, Цюаньцзы, нагрузив бамбуковые корзины вяленой рыбой, отправился в путь. На южной просёлочной дороге у деревни Чжу он столкнулся с отцом и сыном Да Чунями, которые как раз собирались в город, толкая перед собой одноколёсную тачку.

Отец Да Чуня катил тачку, а Да Чунь шёл рядом; на подъёмах или ухабистых участках Да Чунь подталкивал её сбоку — отец и сын трудились слаженно, что вызывало зависть.

Цюаньцзы же брёл в одиночестве, неся ношу на коромысле, впереди него двигались Да Чуни.

Дорога из деревни Чжу была холмистой, и постепенно Да Чуни начали отставать. Устав, Цюаньцзы поставил корзины на землю, оперся на коромысло и передохнул. Оглянувшись на отца с сыном, он увидел, как с их тачки в придорожные заросли скатился мешок. Отец придержал тележку, а Да Чунь попытался втащить мешок обратно, но тот явно был тяжёлым — у парня не получалось. Увидев это, Цюаньцзы подошёл и помог Да Чуню поднять мешок и водрузить на тачку.

— Лю Хун, куда путь держишь с такой ношей? — спросил отец Да Чуня.

— В лавку семьи У, продавать вяленую рыбу.

— В лавке семьи У за гроши продадут. Поезжай с нами в уездный город, к вечеру вернёмся.

Цюаньцзы и сам знал, что в лавке семьи У выручишь немного, но город был далёко, а дороги он не знал. Услышав предложение отца Да Чуня, он очень обрадовался.

Втроем они двинулись дальше: по-прежнему Да Чуни впереди, Цюаньцзы — позади. Пройдя некоторое расстояние, Цюаньцзы почувствовал, что ноша на плечах становится всё тяжелее, шаги замедлились, и он отстал от Да Чуней на приличное расстояние. Впереди отец с сыном остановились, Да Чунь развернулся и побежал обратно к Цюаньцзы:

— Отец велел положить твою ношу на тачку.

Да Чунь снял корзины, пересыпал рыбу из обеих в одну, затем взвалил полную корзину на тачку.

Цюаньцзы, неся на коромысле теперь пустую корзину, смущённо последовал за ними.

По пути, когда встречались рытвины или крутые участки, Да Чунь и Цюаньцзы вставали по бокам и помогали толкать. Со стороны можно было подумать, что это семья — отец и два сына.

Порой Цюаньцзы завидовал тем, у кого был отец, но это чувство быстро проходило — он не любил себя жалеть.

Рыбы в корзинах было немного — матушка Лю, боясь, что он не выдержит, не положила больше. Но даже такая ноша оставила на плечах Цюаньцзы красную полосу во всю ширину коромысла, которая ныла и саднила. Путь был неблизким, а Цюаньцзы всё ещё был полурёбёнком, сил у него было меньше, чем у взрослого.

Цюаньцзы шагал рядом с тачкой Да Чуней. Говорил он мало, но отец Да Чуня любил его

расспрашивать и был словоохотлив. Он спрашивал о семье Лю, о том, почему они переехали из Волости Фэн, у кого Цюаньцзы учился стрельбе из лука. Цюаньцзы отвечал на всё по очереди, ничего не утаивая.

Шли они с остановками, и к полудню добрались до одной деревни. Цюаньцзы показалось, что место знакомое:

— Это деревня Лай?

— Именно она. До города уже рукой подать, по этой дороге прямо и иди, — отец Да Чуня указал на широкую дорогу, по которой сновали повозки и телеги — оживлённое место.

Цюаньцзы запомнил путь.

Отец Да Чуня часто ездил в город продавать зерно, знал его хорошо и помнил, где находятся торговые ряды. Он привёл Цюаньцзы в угол рынка, где сам выставил на продажу бобы, а Цюаньцзы устроился рядом с вяленой рыбой.

В лавке семьи У за день едва ли удавалось продать сколько-нибудь рыбы, да и цена была низкой. В уездном же городе Цюаньцзы распродал весь свой товар меньше чем за два часа, выручив несколько десятков монет.

На обратном пути Цюаньцзы сказал Да Чуню и его отцу, что хочет зайти в деревню Лай к одному человеку.

Отец Да Чуня спросил, знает ли Цюаньцзы дорогу. Тот ответил, что знает.

Взяв кувшин вина, Цюаньцзы в одиночку направился в деревню Лай, чтобы навестить Старину Дуаня.

Во дворе он увидел девушку, кормившую кур, и узнал в ней дочь Старины Дуаня, Сяо Сы. — Дозорный Дуань дома? — собравшись с духом, спросил Цюаньцзы. — Ты к отцу? Папа! — Дуань Сы, похоже, не узнала Цюаньцзы — и немудрено: сегодня он был в рваной одежде, весь в пыли и с растрёпанными волосами.

<http://bllate.org/book/15945/1425616>